

В. Н. ШУЛЬГИН

МАРКС и ЭНГЕЛЬС

В ИХ

ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

4-е дополненное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА—1925

Предисловие к первому изданию.

Среди громадного литературного наследства, полученного нами от Маркса и Энгельса, мы не находим ни одной хотя бы маленькой книжечки, специально посвященной вопросам народного образования. Ни Маркс, ни Энгельс не написали ее. Но это не значит, конечно, что они прошли мимо этих вопросов, никак не отзвываясь на них. Нет, эти высказывания есть, но они разбросаны среди сотен страниц десятка книг и потому совершенно недоступны не только широким кругам учительства, но и коммунистам-просвещенцам. А между тем эти высказывания чрезвычайно значительны и глубоки, и нужны они не только товарищам, которые пишут «марксистские» педагогики, не только коммунистам-просвещенцам, но и рядовому учителю. Он должен знать, как основоположники научного социализма ставили вопросы просвещения, как предлагали решить их. Вот почему нам казалось совершенно необходимым подобрать все эти высказывания, выловить их из массы другого материала, объединить в один документ и в таком виде передать учителю.

Читая эти отрывки, он великолепно поймет, что трудовая школа — не выдумка, не случайность, — нет, необходимость; он увидит, как и почему «вырастает этот зародыш будущего»; он узнает дальше, как надо ставить проблемы педагогики, почему необходимо общественное воспитание детей, что надо понимать под трудовой школой и т. д., и узнает это не в пересказах, хотя бы и хороших, но по отрывкам основоположников научного социализма. Но, чтобы облегчить ему это знакомство, мы не только извлекли эти отрывки, но и снабдили их заголовками, дающими ему возможность быстрее ориентироваться в материале. Но он не полон, он охватывает *основные* вопросы, да и то в наиболее ярких, выпуклых формулировках. Высказывания по более мелким вопросам, повторения, неизбежно встречающиеся, описания содержания работы в школах Англии, описания систем народного образования того времени, критические замечания на них не вошли в данные отрывки. Нам казалось, что в первую очередь просвещенца необходимо познакомить с основным.

В. Н. Шульгин.

Ноябрь 1923 г.

Предисловие к четвертому изданию.

4 издание выходит в несколько ином виде, чем предыдущее. Мы внесли в него необходимые исправления, перегруппировали материал несколько по-иному и несколько его дополнили.

Отрывки из Маркса и Энгельса цитируются по русским изданиям: «Капитал», том I. Перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова. Общая редакция Д. Рязанова и И. Степанова. Госиздат, 1923 г. «Положение рабочего класса в Англии», перевод Г. А. Котляр. Издание Н. Глаголева.

«Коммунистический манифест» и «Принципы коммунизма». 2-ое издание с введением и примечаниями Д. Рязанова. Госиздат. 1923 г.

«Анти-Дюринг». Госиздат, 1923 г.

В. Н. Шульгин.

Декабрь 1924 г.

Глава первая.

Нет ничего удивительного в том, что английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия. Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, с которыми она живет бок о бок. Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, настолько различных, как могут быть различны только две расы, два народа, из которых мы на континенте до настоящего времени знавали только один — буржуазию.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 165.)

1 ОТДЕЛ.

Чем, как и на чем воспитывается рабочий класс.

Перейдем от физического к духовному состоянию рабочего класса. Если буржуазия дает ему жить лишь столько, сколько это необходимо ей, то не должно удивляться, если она и образования дает ему лишь столько, сколько это в ее интересах.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 149.)

К счастью, условия, в которых живет этот класс, таковы, что они дают ему практическое образование, не только заменяющее этот школьный хлам, но и парализующее связанные с ним сбивчивые религиозные представления. Нужда научает молиться и, что гораздо важнее, мыслить и действовать. Английский рабочий, едва умеющий читать и еще менее умеющий писать, тем не менее прекрасно знает, в чем заключаются его собственные интересы и в чем — интересы всей нации; он знает также, каковы специальные интересы буржуазии и чего он от последней может ожидать. Если он не умеет писать, то умеет говорить и говорить открыто в об-

щественных местах; если он не знает арифметики, то все же настолько умеет оперировать политико-экономическими понятиями. Сколько это необходимо, чтобы увидеть насквозь буржуа, хлопочущего об отмене пошлин на хлеб, и опровергнуть его; если, несмотря на все старания попов, вопросы небесного характера остаются для него совершенно неясными, зато он тем лучше разбирается в вопросах земных, политических и социальных.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии»
Стр. 153.)

Власть имущий класс оставляет без внимания рабочих не только в отношении физическом и интеллектуальном, но и в моральном. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против них, когда они ей слишком наступают на ногу, есть закон, кнут, грубая, не убеждающая, но устрашающая сила; как к неразумному скоту, к ним применяют только одно это воспитательное средство. Что же удивительного, если рабочие, с которыми обращаются как с неразумным скотом, или на самом деле становятся скотом, или в состоянии сохранить сознание и чувство своего человеческого достоинства только посредством самой пламенной ненависти, непрерывного негодования против власть имущей буржуазии. Они остаются людьми, пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся скотом, как только безропотно подставляют шею под ярмо и в условиях подъяремной жизни пытаются устроить свою жизнь приятно, совершенно не думая о свержении самого ярма.

Вот все, что буржуазия сделала для поднятия умственного и нравственного уровня рабочего класса. Если припомнить еще все остальные условия, в которых последний живет, то ненависть, которую он питает к господствующему классу, будет вполне понятна. Нравственное воспитание, которого рабочий не получает в школе, не дается ему и во всех остальных условиях его жизни, — по крайней мере, то нравственное воспитание, которое имеет некоторое значение в глазах буржуазии.

Все его положение, вся окружающая его обстановка должны развить в нем сильнейшие склонности к безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него никакой прелести, все почти наслаждения ему недоступны, кары закона ему не страшны; почему же ему стеснять себя в своих желаниях, почему ему предоставлять богачу наслаждаться своими благами и не присвоить самому себе часть их? Какие основания у пролетария не красть? Ухо буржуа

очень ласкают все эти прекрасные разговоры о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой. Деньги — вот современный бог! Буржуа отнимает у пролетария его деньги и, лишив его этого бога, превращает его в практического атеиста. Что же удивительного, если пролетарий, оставаясь таким атеистом, не имеет никакого почтения к святости и мощи этого земного бога. И когда бедность пролетария доходит до действительной нужды в самых необходимых средствах к жизни, до нищеты и голода, то склонность к пренебрежению всем общественным порядком возрастает еще сильнее...

Нищета ставит перед рабочим только одну альтернативу: либо умереть — медленной ли смертью от голода, или быстро, посредством самоубийства, — либо брать себе все, что ему нужно, где только возможно, — попросту говоря, красть. И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воровство смерти от голода или самоубийству. Есть, конечно, и среди рабочих множество людей, достаточно моральных для того, чтобы не красть, даже когда они доведены до отчаяния, и вот эти и умирают от голода или убивают себя. Самоубийство, бывшее до недавнего времени завидной привилегией высших классов, вошло в Англии в моду и среди пролетариев, и множество бедных людей убивают себя, чтобы избежать нищеты, от которой они не видят для себя никакого другого спасения.

Но еще более деморализующим образом, чем бедность, действует на английских рабочих неуверенность в завтрашнем дне, необходимость проедать изо дня в день весь свой заработок. Одним словом, то, что делает их пролетариями...

Все, что пролетарий в состоянии сделать сам для улучшения своего положения, исчезает, как капля в море, в потоке тех случайностей, от которых он зависит и над которыми он ни малейшим образом не властен. Он — безмолвный объект всевозможных комбинаций и стечений обстоятельств и может почитать себя счастливым, если ему удастся хоть на короткое время спасти одну только жизнь. И, что само собой понятно, этими обстоятельствами определяются и характер и образ жизни его: или он пытается держаться на поверхности этого водоворота, спасти свое человеческое достоинство, — а это он может сделать только посредством возмущения против класса, который так беспощадно высасывает его последние соки, чтобы потом оставить его на произвол судьбы,

который старается удержать его в этом положении, недостойном человека, т.-е. против буржуазии, — или он отказывается бороться за свое положение, как от дела бесплодного, стараясь лишь использовать, насколько он в силах, благоприятные для него моменты. Копить ему не зачем: самое большое, что он может скопить, это на жизнь в течение пары недель, но когда он лишается заработка, дело сводится не к паре недель. Приобрести себе собственность надолго он не в состоянии, а если бы ему это удалось, он перестал бы быть рабочим, и другой стал бы на его место. Что же другое ему остается делать, когда он получает хорошую плату, если не жить хорошо? *Английский буржуа удивляется широкой жизни рабочего в период, когда заработная плата высока, удивляется ей и возмущается до глубины души.* А ведь это только вполне естественно и даже разумно со стороны этих людей, если они наслаждаются жизнью, куда могут, вместо того, чтобы копить сбережения, которые им не принесут никакой пользы и в конце-концов все же достанутся буржуазии. Но ничто не оказывает такого деморализующего действия, как такая жизнь...

Карлейль не прав, когда порицает такую ненависть рабочих к высшим классам. Эта ненависть, этот гнев служат скорее доказательством того, что рабочие чувствуют всю бесчеловечность своего положения, что они не хотят допустить, чтобы их довели до положения скота, и что они когда-нибудь свергнут и эту буржуазию...

Другим источником деморализации среди рабочих является принудительность их труда. *Если добровольная производительная деятельность есть высшее наслаждение, которое мы знаем, то работа вынужденная есть самое жестокое, самое унижительное мучение.* Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно. И чем рабочий более развит, более человечен, тем более он должен ненавидеть свою работу, чувствуя всю вынужденность ее, всю бесполезность для него самого. Ради чего он работает? Чтобы удовлетворить свое естественное стремление к творчеству? Никким образом. Он работает ради денег, ради вещи, которая с самой работой ничего общего не имеет; он работает потому, что должен работать, и к тому же он работает так долго, и работа эта так непрерывна и однообразна, что уже по одной этой причине она должна стать для него мучением в первые же недели, если в нем сохранилось хоть какое-нибудь человеческое чувство. С разделением труда это оупляю-

щее действие обязательной работы еще более возросло. В большинстве отраслей труда деятельность рабочего ограничена мелкой, чисто-механической манипуляцией, повторяющейся из минуты в минуту, из года в год. Какие человеческие чувства и способности могут быть развиты у человека, который с самого детства ежедневно в течение двенадцати часов и больше занимался приготовлением булавочных головок или опиливанием зубчатых колес и к тому же жил в условиях английского пролетария? Таковы были последствия применения пара и введения машин. Работа рабочего облегчается, напряжение мышц становится ненужным, и самый труд незначительным, но зато однообразным в высшей степени. Работа его не требует от него никакой духовной деятельности и все же настолько требует от него внимания, что для того, чтобы ее совершать хорошо, он ни о чем другом не должен думать. Как же этой работе, отнимающей у рабочего все имеющееся у него время, едва оставляющей ему время для еды и сна, но не оставляющей ему времени для движения на свежем воздухе, наслаждения природой, не говоря уже о духовной деятельности, не низводить человека до степени скота! И опять перед рабочим одна альтернатива: либо подчиниться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» соблюдать интересы буржуа, — и тогда он, несомненно, становится скотом, — либо возмущаться, всеми силами защищать свое человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе с буржуазией.

Если все эти причины и сами внесли уже массу деморализации среди рабочего класса, то сюда присоединяется еще одна новая причина, распространяющая эту деморализацию дальше и доводящая ее до высшего ее предела; эта причина — централизация населения.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 154—161.)

Д-р Андрю Уре *) , настоящий буржуа... рассказывает нам, «что жизнь в больших городах увеличивает интриги среди рабочих и дает силу черни. Если рабочие здесь не воспитаны (т.е. не воспитаны в повиновении буржуазии), они рассматривают вещи односторонне, с точки зрения крайнего эгоизма, и легко поддаются увещаниям хитрых демагогов; они даже способны смотреть враждебно на лучших благодетелей, расчетливых и предприимчивых капиталистов». Здесь может помочь только одно — хорошее

*) «Philosophy of Manufactures», London, 1835.

воспитание; иначе должны наступить национальное банкротство и другие ужасы, ибо революция рабочих неизбежна. И наш буржуа вполне прав с своими опасениями. Если централизация населения оказывает возбуждающее и развивающее действие на имущие классы, то развитию рабочих она содействует еще больше. Рабочие начинают чувствовать себя классом, они узнают, что, будучи в одиночку слабы, они вместе образуют силу; они все более и более отделяются от буржуазии, и все более и более развиваются у них свои собственные классовые воззрения и идеи, появляется сознание своего гнета, и рабочие получают социальное и политическое значение. Большие города — очаги рабочего движения: в них рабочие впервые стали задумываться над своим положением и бороться против него, в них впервые выяснилось противоречие интересов пролетариата и буржуазии, в них зародились рабочие союзы, чартизм и социализм. Большие города придали болезни социального тела, принявшей в деревне хроническую форму, острую форму и тем раскрыли ее истинную сущность, как и способ ее излечения. Без больших городов и их благотворного влияния на развитие интеллигенции рабочие не подвинулись бы настолько вперед, как теперь. К тому же они порвали последнюю нить патриархальных отношений между рабочим и работодателем, чему содействовала также крупная промышленность увеличением числа рабочих, находящихся в зависимости от одного буржуа. Буржуазия на это плачется, конечно; и она права, ибо при прежних отношениях она была обеспечена от возмущений рабочих. Буржуа мог эксплуатировать своих рабочих и властвовать над ними сколько угодно и встречал еще повиновение, благодарность и любовь глупого народа, если он, кроме платы, награждал его улыбкой, которая не стоила ему ничего, или предоставлял ему какие-нибудь небольшие выгоды, делая это будто из чистой любви и излишнего самопожертвования, хотя это не составляло и десятой доли того, что он должен был бы сделать. Как отдельный буржуа, поставленный в условия, которых он сам не создавал, он, конечно, мог, по крайней мере отчасти, выполнять свои обязанности, но как член правящего класса, ответственного уже вследствие одного того, что в его руках государственная власть, за положение всей нации и обязанного соблюдать общенациональные интересы, он не делал ничего, что он должен был бы сделать по своему положению, а эксплуатировал всю нацию в собственных своих частных интересах. Во время патриархальных отношений, лицемерно прикрывавших рабство ра-

бочих, рабочий должен был оставаться духовно мертвым, совершенно не понимать своих собственных интересов, жить отдельно сам по себе. Только когда между ним и его работодателем наступило отчуждение, когда стало очевидным, что вся связь между ними сводится к частному интересу, к деньгам, когда любовь, не выдержавшая ничтожнейшего испытания, совершенно исчезла, только тогда рабочий начал понимать свое положение и свои интересы и стал развиваться самостоятельно, и только тогда он перестал быть рабом буржуазии в своих идеях, чувствах и действиях. А этому содействовали главным образом крупная буржуазия и большие города.

Другим моментом, в значительной мере повлиявшим на характер английских рабочих, была иммиграция ирландцев. С одной стороны, она... привела к деградации английского рабочего, оторвала его от цивилизации и ухудшила его положение, но зато, с другой стороны, она содействовала углублению пропасти между рабочим классом и буржуазией, а, следовательно, и ускорению приближающегося кризиса.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 163—164.)

Результаты такого воспитания.

Здесь мы хотим рассмотреть только результаты действий изложенных выше причин, влияние, которое они имели на личный характер рабочих. Рабочий гораздо более гуманен в повседневной жизни, чем буржуа. Я упоминал уже выше, что нищие обращаются обыкновенно почти исключительно к рабочим, и вообще рабочие больше делают для поддержания бедных, чем буржуазия. Этот факт, подтверждение которому можно встретить на каждом шагу, подтверждает между прочим Паркинсон, каноник Манчестера. Он говорит следующее: «Бедняки больше дают друг другу, чем богачи беднякам. В подтверждение моих слов я могу сослаться на свидетельство одного из наших старейших, опытнейших, наиболее наблюдательных и гуманных врачей, д-ра Брадслея. Последний открыто заявил, что общая сумма, которую бедняки дают друг другу, превосходит ту, которую богачи дают за то же время беднякам». Выражается гуманность рабочих и во многих других формах. Не баловала их самих жестокая судьба, и потому они могут сочувствовать тем, которым плохо живется. Для них всякий—человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек. Вот почему

они обходительнее, приветливее, и хотя они более нуждаются в деньгах, чем имущий класс, они все же меньше на них падки: для них деньги имеют ценность только ради того, что они могут на них купить, между тем как для буржуа они имеют особую ценность, ценность божества, и превращают его в низкого грязного «человека наживы». Рабочий, которому это чувство благоговения перед деньгами совершенно чуждо, не так жаден, как буржуа, готовый на все, чтобы заработать деньги, видящий свою жизненную цель в накоплении своего денежного мешка. Вот почему рабочий может быть гораздо более объективным, может смотреть гораздо более открытыми глазами на действительность, чем буржуа, и не на все смотрит сквозь призму собственных выгод. От религиозных предрассудков его предохраняет недостаточное воспитание: ничего не понимая в этих делах, он не мучится ими; ему чужд фанатизм, которым опутана буржуазия, и если он все же немного религиозен, то эта религиозность только номинальная и даже не теоретическая, — практически же он живет только для настоящего мира и стремится в нем стать гражданином. Все буржуазные писатели сходятся на том, что рабочие не имеют религии и не посещают церкви...

И если общественное положение рабочего вообще делает его более беспристрастным, более свободным от устаревших установившихся принципов и предвзятых мнений, чем буржуа, то этому немало содействует также недостаток религиозного и проч. образования. Буржуа по уши погряз в своих классовых предрассудках. в принципах, привитых ему с детства; с ним ничего поделаться нельзя, он по существу консервативен, хотя бы и в либеральной форме, его интересы неразрывно связаны с существующим строем. и он для всякого движения вперед человек мертвый. Мало-по-малу он перестает стоять во главе исторического развития, и его место пока юридически, — а со временем и фактически, — занимает рабочий.

Все это, как и вытекающая отсюда общественная деятельность рабочих, которую мы рассмотрим еще ниже, образует хорошие стороны характера этого класса; дурные его стороны столь же быстро обозначились и тоже с необходимостью вытекают из приведенных выше причин. Пьянство, беспорядочность половых сношений, грубость и отсутствие уважения к принципу частной собственности — вот главные пороки, в которых его обвиняет буржуа. Что рабочие много пьют, вполне естественно и иначе быть не может

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 166—168.)

Другим пороком английских рабочих рядом с невоздержанностью в потреблении спиртных напитков является их невоздержанность в половых сношениях. И этот порок вытекает с неизбежной железной необходимостью из общего положения этого класса, предоставленного самому себе, без средств надлежащим образом пользоваться своей свободой. Буржуазия предоставила ему только эти два наслаждения, возложив на него массу тяжкого труда и страданий. Чтобы хоть кое-как насладиться жизнью, рабочие набрасываются поэтому со всей страстью на эти два наслаждения, предаваясь им самым чрезмерным и беспорядочным образом. Когда людей ставят в положение, достойное только животного, им ничего более не остается, как или восстать против этого, или на самом деле сделаться животными...

Все пороки рабочих могут быть сведены к невоздержанности в наслаждениях, отсутствию заботы о будущем и подчинению существующему социальному строю, вообще к неспособности жертвовать наслаждениями данного момента ради более отдаленной выгоды. Но как же оно может быть иначе? Класс, получающий в награду за свою тяжкую работу мало наслаждений и наслаждения исключительно чувственные, должен же слепо набрасываться на эти наслаждения. Если никто не заботится об образовании этого класса, если все его положение таково, что он зависит от самых разнообразных случайностей и не может быть уверен в завтрашнем дне, то какие у него могут быть основания, какой у него может быть интерес быть предусмотрительным, вести «солидную» жизнь и жертвовать наслаждением данного момента ради наслаждения в будущем, — наслаждения, которое именно для него с его вечно непостоянным положением весьма еще сомнительно. От класса, которому достаются в удел все невыгоды данного социального порядка и лишеного всех его преимуществ, от класса, которому этот социальный строй лишь враждебен, требуют еще, чтобы он относился к нему с почтением. Это поистине слишком много. Но куда этот социальный строй существует, рабочий класс уйти от него не может, и если отдельный рабочий против него возмущается, то это оказывается более всего вредным для него самого. Так данный социальный строй делает и семейную жизнь рабочего почти невозможной. Какой может быть домашний очаг в уютной, грязной квартире, достаточно хорошей разве для одного ночлега, плохо меблированной, часто незащищенной от дождя и

неотопленной, с тяжелым воздухом вследствие множества людей? Муж, а часто и жена и взрослые дети работают целый день, все в различных местах, видят друг друга только утром и вечером — и к тому же это постоянное искушение выпить. Какая может быть при таких условиях семейная жизнь! Тем не менее рабочий не может уйти от семьи, а должен в ней оставаться. Отсюда постоянные семейные раздоры и споры, действующие деморализующим образом как на самих супругов, так и в особенности на детей. Пренебрежение всеми семейными обязанностями, особенно пренебрежение детьми, — слишком частое явление среди английских рабочих и обуславливается главным образом современным строем общества. И вот хотят, чтобы дети, вырастающие в такой дикой деморализующей обстановке, к которой часто принадлежат сами родители, были впоследствии моральными людьми. Поистине наивные требования ставит рабочим самодовольный буржуа.

Неуважение к существующему социальному строю всего резче выражается в его крайности — преступлении. Раз причины, приводящие к деморализации рабочего, действуют сильнее, более концентрированным образом, чем обыкновенно, он с такой же необходимостью должен стать преступником, с какой вода при 80° Реомюра переходит из жидкого в газообразное состояние. Своим грубым и жестоким обращением буржуазия превращает рабочего в столь же безвольную вещь, как вода, так что он с такой же необходимостью оказывается подчиненным природе, как она, т.-е. наступает момент, когда у него всякая свобода воли исчезает.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 170—172.)

Какой славный ряд болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии! Женщины лишаются способности рожать, калечатся дети, ослабляется организм мужчин, дробятся, отрываются члены тела, целые поколения гибнут, зараженные всевозможными болезнями и бессилием,—и все это для того, чтобы набивать карманы буржуазии.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 213.)

Обратимся теперь к другой стороне фабричной системы, которую не так легко устранить соответствующими законами и предписаниями, как вытекающие из этой системы болезни. Мы достаточно говорили уже в общем о способе работы, чтобы из

сказанного можно было сделать дальнейшие выводы. Надзор за машинами, связывание разорванных нитей есть такая работа, которая, с одной стороны, не занимает ума рабочего, а с другой—мешает ему думать о других вещах. Мы видели также, что работа эта не требует напряжения мускулов, не дает простора физической деятельности. Труд этот таким образом — не труд, а одна скука—самое убийственное, самое утомительное, что только можно придумать. Фабричный рабочий осужден совершенно губить в этой скуке свои физические и духовные силы; его призвание—с восьмилетнего возраста мучиться скукой целый день. К тому же нельзя отлучиться ни на один момент: паровая машина работает целый день, колеса, ремни и шпульки непрестанно гудят над головой, и стоит ему отвлечься на один момент, как уже за его спиной немедленно является надсмотрщик со штрафной книгой в руках. Эта проклятая необходимость быть как бы заживо погребенным на фабрике, постоянно внимательно следить за неутомимой машиной является тяжчайшей пыткой для рабочих. Она действует также самым оупляющим и ослабляющим образом как на тело, так и на дух рабочего. И действительно, трудно было придумать лучший способ для притупления умственных способностей человека, чем фабричный труд, и если тем не менее фабричные рабочие не только сохранили здравый рассудок, но даже развили его более, чем другие, то это было возможно опять-таки только благодаря возмущению против своей судьбы и против буржуазии, т. е. благодаря одному тому, о чем они во всяком случае могли еще думать и что они могли чувствовать при своей работе. И если это негодование против буржуазии не становится преобладающим чувством у рабочего, то его положение необходимо доводит его до пьянства и вообще всего того, что обыкновенно называют деморализацией.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Стр. 224—225.)

В чем выход для рабочего класса.

Мне остается сделать еще одно замечание. Ядро рабочих движений составляют фабричные рабочие... Чем более фабричная система проникает в какую-нибудь отрасль труда, тем более принимают участия в движении рабочие этой отрасли труда. Чем более развивается противоречие между рабочими и капиталистами, тем более развивается, тем более проясняется пролетарское созна-

ние рабочего... В общем же все промышленные рабочие захвачены той или другой формой восстания против капитала и буржуазии. Все они сходятся на том, что они — «Workingmen» (рабочие) — звание, которым они гордятся...—самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам и таящий в себе силы нации и способность ее к дальнейшему развитию.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии»
Стр. 295.)

2 ОТДЕЛ.

Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли еще составляет тайну для нее самой... экономическое ее банкротство регулярно повторяется каждое десятилетие.

(Фр. Энгельс. «Анти-Дюринг». Стр. 257.)

Мне никогда еще не приходилось встречать класса, столь деморализованного, столь безнадежно впавшего в своекорыстие, внутренне разлагающегося и совершенно неспособного на какой бы то ни было прогресс, как английская буржуазия. И я здесь имею в виду прежде всего буржуазию в тесном смысле слова, особенно либеральную, агитирующую за отмену хлебных законов. Все, что существует в мире, существует, по ее мнению, только ради денег, и она сама не составляет здесь исключения: она живет только для того, чтобы наживать деньги, она знает только одно счастье—счастье быстрой наживы, и одно горе—горе денежной потери.

При такой алчности, при такой жадности к деньгам ни одно движение души человеческой не может оставаться незапятнанным. Конечно, английские буржуа — прекрасные супруги и отцы, обладают всевозможными другими, так называемыми личными, добродетелями и в личных отношениях не менее почтенные и приличные люди, чем все другие буржуа. В торговле они даже лучше, чем немцы, не торгуются, не мошенничают так, как наши торгаши, но что же из этого? В конце-концов *единственным решающим моментом* остается все же личный интерес и специально денежная нажива. Я шел однажды с таким буржуа в Манчестере и говорил с ним о дурной антисанитарной постройке рабочих кварталов, об

отвратительном состоянии их и заявил, что мне никогда еще не пришлось видеть города, так скверно построенного, как Манчестер. Он все это спокойно выслушал и, прощаясь со мной на углу улицы, сказал: and yet, there is a great deal of money made here. (И все-таки здесь зарабатывают страшно много денег. До свидания, сударь!) Для английского буржуа совершенно безразлично, умирают ли его рабочие с голода или нет, лишь бы он заработал много денег. Все измеряется деньгами, и все, что не приносит денег,—глупости, непрактично, идеалистическая затея. Вот почему и политическая экономия, наука о способах наживания денег,—любимейшая наука этих шахер-махеров. Каждый из них политико-эконом. Отношение фабриканта к рабочему — не человеческое отношение, а чисто-экономическое. Фабрикант есть «капитал», а рабочий—«труд». И когда рабочий не желает подчиниться этой абстракции, когда он утверждает, что он не «труд», а человек, который, правда, между прочим имеет также способность трудиться, когда он позволяет себе думать, что он вовсе не должен покупаться и продаваться на рынке, как «труд», как товар, буржуа этого понять не может. Он не может понять того, что, кроме отношений купли и продажи, у него существуют с рабочими какие-нибудь другие отношения. Он видит в них не людей, а только «руки» (hands), как он постоянно их называет в лицо, он не признает, как выражается Карлейль, никакой другой связи между людьми, кроме одной—*наличный расчет*. Даже связь между ним и его женой в девяносто девяти случаях из ста может быть выражена словами: «наличный расчет». Это позорное рабство, в котором деньги держат буржуа, наложило свой отпечаток, в виду господства буржуазии, даже на язык: когда хотят сказать о человеке, что он имеет 10.000 ф. ст., говорят, что он стоит 10.000 ф. ст. (he is worth ten thousand pounds). Кто имеет деньги, тот «respectable» (почтенный человек), принадлежит к «лучшему сорту людей» (the better sorte of people), «пользуется влиянием» (influential), и все, что он делает, составляет эпоху в его кругу. Дух наживы проникает весь язык, все явления жизни выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях. Требование и подвоз, спрос и предложение (supply and demand)—таковы формулы, в которых логика англичанина укладывает всю человеческую жизнь. Отсюда свобода конкуренции во всех областях жизни, отсюда режим невмешательства (laisser faire, laisser aller) в администрации, медицине, воспитании и, пожалуй, скоро и в рели-

10280

гии, ибо господство государственной религии все более и более падает. Свободная конкуренция не терпит никаких ограничений, никакого государственного контроля, все государство ей в тягость, для нее всего лучше отсутствие всякой государственности, состояние, в котором каждый мог бы эксплуатировать другого, сколько ему вздумается, как, например, в «Ферейне» нашего друга Штирнера. Но буржуазия нуждается в государстве хотя бы для того, чтобы держать в узде столь же необходимый ей пролетариат, и потому она пользуется им против пролетариата, стараясь в то же время держать его подальше от своих дел.

Не подумайте однако, что «образованный» англичанин открыто признается в этом эгоизме. Напротив того, он скрывает его под маской самого постыдного лицемерия. Как, английские богачи не заботятся о бедных? Они, устроившие благотворительные учреждения, каких нет ни в какой стране, не заботятся о них? О да, благотворительные учреждения! Как будто бы пролетарию легче от того, что вы, высосав из него последние соки, упражняетесь потом на нем в благотворительности, приятно щекочущей вашу самодовольную, фарисейскую душу, и представляете себя миру необычайными благодетелями рода человеческого, возвращая эксплуатируемым вами сотую часть того, что им следует по праву! Благотворительность, более деморализующая дающего, чем берущего, благотворительность, еще более унижающая и без того униженного, требующая, чтобы лишенный облика человеческого, отверженный обществом парий отказался от последнего, что ему осталось, — от звания человека, чтобы он униженно просил милости прежде, чем она милостыней наложит на него печать отсутствия человеческого достоинства! Но что все это значит! Послушаем самую английскую буржуазию. Менее года тому назад я встретил в газете «Manchester Guardian» следующее письмо в редакцию, напечатанное без всяких примечаний, как вполне естественное и разумное заявление.

«Господин редактор!

С некоторых пор на главных улицах нашего города появилась масса нищих, пытающихся часто самым бесстыдным и назойливым образом обратить на себя внимание и возбудить сострадание прохожих то своими лохмотьями, то болезненным видом, то отвратительными ранами и уродствами. Мне думается, что человек, уплативший не только налог в пользу бедных, но и вносящий

немало в кассы благотворительных обществ, сделал с своей стороны достаточно для того, чтобы иметь право на ограждение от неприятных и назойливых приставаний. Зачем же мы платим такой высокий налог на содержание городской полиции, если она не может даже гарантировать нам спокойную прогулку в город и обратно? — В надежде, что опубликование этих строк в вашей широко распространенной газете побудит городские власти принять меры к устранению этого зла (nuisance), остаюсь ваша покорная слуга, одна дама».

Вот видите! Английская буржуазия занимается благотворительностью в собственных своих интересах, она ничего не дарит, а смотрит на свои подаяния, как на коммерческую сделку. Она заключает с бедняками сделку, говоря им: затрачивая столько-то и столько-то на благотворительные цели, я тем самым покупаю себе право не терпеть больше от ваших приставаний, а вы тем самым обязуетесь оставаться в своих темных конурах и не раздражать моих деликатных нервов видом вашей нищеты! Вы можете приходиться в отчаяние, но делайте это у себя дома. Это я ставлю условием, это я оплачиваю жертвованиями в 20 ф. ст. на больницу! О, будь она проклята, эта позорная благотворительность христианина-буржуа! И так пишет «дама»! О, да, дама, именно дама! Она хорошо сделала, что подписалась именно таким образом. Она, к счастью, не имеет уже смелости называть себя женщиной! Но если таковы «дамы», то каковы же должны быть уже «кавалеры»? Мне скажут, письмо — это единичный случай. Но нет, оно именно выражает взгляды огромного большинства английской буржуазии, ибо иначе и редакция не напечатала бы его, иначе на него последовало бы какое-нибудь возражение, которое я тщетно искал в последующих номерах газеты. А что касается результатов этой благотворительности, то ведь сам каноник Паркинсон говорит, что бедняки получают больше поддержки от своих, чем от буржуазии. К тому же поддержка честного пролетария, который сам прекрасно знает, что такое голод, который приносит жертву, делясь своим скудным обедом, но делает это с радостью, — такая поддержка имеет совсем другое значение, чем подачка, брошенная сибаритом-буржуа.

(Фр. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии».
Стр. 335—339.)

Всесторонне развитые люди. Когда они будут?

1.

Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?

Тем, что общество отнимает у частных капиталистов пользование всеми средствами производства и транспорта, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет распоряжаться всем этим сообразно плану, приноровленному к размерам этих средств и потребностям всего общества, будут прежде всего устранены все пагубные последствия, связанные ныне с существованием крупной промышленности. Кризисы прекратятся, расширение производства, которое, при нынешнем общественном строе, вызывает перепроизводство и является столь важной причиной бедствия, тогда окажется недостаточным и должно будет расширяться еще более. Вместо того, чтобы вызвать бедствие, перепроизводство, выходящее за пределы ближайших потребностей общества, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех граждан, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Оно явится условием и поводом для дальнейшего прогресса, оно будет осуществлять этот прогресс, не создавая при этом, как раньше, замешательства в общественном строе.

Крупная промышленность, освобожденная от гнета частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться столь же мизерным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени. Это развитие промышленности доставит обществу достаточное количество продуктов, чтобы удовлетворить потребности всех граждан. Земледелие, которое теперь, вследствие давления, оказываемого частной собственностью, и вследствие дробления участков, затруднено в возможностях применить уже испробованные улучшения и научные методы, тоже вступит в полосу расцвета и даст обществу вполне достаточное количество продуктов.

Таким образом общество будет производить достаточно продуктов, чтобы организовать распределение и удовлетворить потребности всех своих членов. Тем самым станет излишним

деление общества на различные враждебные друг другу классы. Но оно станет не только излишним, но даже совместным с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в прежнем его виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное земледельческое производство на указанную прежде высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способность людей, применяющих эти средства.

Подобно тому, как в прошлом столетии крестьяне и рабочие в мануфактурах изменили весь свой образ жизни и стали совершенно другими людьми, когда оказались вовлеченными в крупную промышленность, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное управление производства не может осуществляться людьми в роде нынешних, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, где каждый развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше в состоянии пользоваться такими людьми. Тем более промышленность, управляемая всем обществом планомерно и в общественном интересе, нуждается в людях со *всесторонне развитыми способностями, в людях, способных ориентироваться во всей системе производства.* Разделение труда, расшатанное уже в настоящее время машиной и превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. *Воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всею системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой в зависимости от потребностей общества или их собственных склонностей. Таким образом воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда.* Таким образом общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам *всесторонне применить их всесторонне развитые способности.* Но вместе с тем необходимо исчезают и различные классы. Таким образом общество, организованное на коммунистических началах,

с одной стороны, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, создание этого общества само дает возможность устранить классовые различия. Отсюда вытекает, что противоречие между городом и деревней тоже исчезнет. *Одни и те же люди будут заниматься земледелием и сельск. хозяйством, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу материальных причин.* Дробление земледельческого населения в деревнях и скопление промышленного в больших городах является состоянием, которое соответствует только недостаточному высокому уровню сельского хозяйства и промышленности и которое препятствует дальнейшему развитию, что уже весьма дает себя чувствовать в настоящее время.

Общая ассоциация всех членов общества в целях совокупной и планомерной эксплуатации производительных сил и развитие производства в таких размерах, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; прекращение того состояния, при котором потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение всех классов с их противоречиями; всестороннее развитие способностей всех членов общества с устранением прежнего разделения труда, благодаря промышленному воспитанию, перемне деятельности, участию во всех благах, которые будут производиться всеми, и благодаря слиянию города с деревней, — вот главные результаты отмены частной собственности.

(Фр. Энгельс. «Принципы коммунизма». Стр. 318—320.)

2.

Первоначально состоявшее из разношерстных и в большинстве сильно деморализованных элементов, население фабрик, постепенно дошедшее до 2.500 человек, Роберт Оуэн превратил во вполне образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные судьи, процессы, попечение о бедных, потребность в благотворительности были совершенно неизвестными вещами. И это вышло так просто потому, что он поставил людей в достойные человека условия, а в особенности заботился о тщательном воспитании подрастающего поколения. Он являлся изобретателем школ для маленьких детей (дошкольного возраста) и впервые ввел их. Дети с двухлетнего возраста ходили в школу, где им было так весело, что их не легко было уводить оттуда домой. В то время, как у его конкурентов работали по 13 и 14 часов в день, в Нью-

Ланарке был введен 10½-часовой рабочий день. Когда хлопчатобумажный кризис вынудил к четырехмесячной приостановке работ, то оставшимся без дела рабочим все время выплачивалась полностью заработная плата. И при всем том стоимость фабрики под его управлением удвоилась и приносила своим владельцам обильную прибыль.

Все это не удовлетворяло Оуэна. Условия существования, созданные им для рабочих, были в его глазах еще далеко не достойными человека; «люди были моими рабами», говорил он: сравнительно благоприятные условия, в которые он их поставил, были еще далеки от того, чтобы сделать возможным всестороннее и рациональное развитие их характера и ума, не говоря уже о свободной жизненной деятельности.

(Фр. Энгельс. «Анти-Дюринг». Стр. 237.)

Напор расширения средств производства разрывает цепи капиталистического способа производства. Освобождение их от этих оков является единственным предварительным условием непрерывного, постоянно прогрессирующего развития производительных сил, а с ним и практически беспредельного увеличения самого производства. Мало того — общественное присвоение устранил не только ныне существующие искусственные тормозы производства, но устранил также и положительное истребление и разрушение производительных сил и продуктов — этого ныне неизбежного спутника производства, достигающего своей кульминационной точки в кризисах. Далее общественное присвоение, устранив безумную расточительную роскошь ныне господствующего класса и его политических представителей, освободит массу средств производства и продуктов в пользу всего общества. Возможность обеспечить посредством общественного производства всем членам общества существование, не только материально вполне удовлетворительное и к тому же с каждым днем все улучшающееся, *но гарантировать им также всестороннее свободное развитие и применение их физических и духовных способностей*, — такая возможность окажется впервые, но она окажется несомненно.

(Фр. Энгельс. «Анти-Дюринг». Стр. 257.)

В каждом обществе с стихийным развитием производства, следовательно и в современном обществе, не производители господствуют над средствами производства, а, наоборот, средства

производства господствуют над производителями. В подобном обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей орудиями производства. Это прежде всего относится к тому рычагу производства, который до возникновения крупной индустрии был наиболее могущественным—к разделению труда. Уже первое крупное разделение труда—отделение города от деревни—обрело деревенское население на полудикое существование в течение тысячелетий, а горожан—на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу умственного развития одних и физического развития других. Если крестьянин присваивает себе землю, а ремесленник—ремесло, то, с другой стороны, и в той же степени земля присваивает себе крестьянина, а ремесло — ремесленника. *В силу разделения труда разделяется также и человек. Выучке одной единственной работы приносятся в жертву все остальные физические и духовные способности. Это искажение человека растёт в той самой степени, в какой увеличивается разделение труда, достигающее своего наивысшего развития в мануфактуре.* Мануфактура разлагает ремесло на его отдельные частичные операции, каждую из которых поручает, в качестве жизненного призвания, отдельному рабочему и прикрепляет его таким образом на всю жизнь к одной определенной частичной функции и к одному определенному инструменту. «Она калечит рабочего, делает его уродом, искусственно развивая в нем детальную сноровку посредством подавления целого мира продуктивных влечений и склонностей... Самый индивидуум раздробляется; он превращается в автоматическое колесо частичной операции» (Маркс), — колесо, достигающее во многих случаях совершенства лишь путем буквального телесного и духовного искажения. Машинное производство в крупной индустрии деградирует рабочего, превращая его из машины в придаток машины. «Пожизненная специальность управления частичным инструментом превращается в пожизненную же специальность служения детальной машине. Машинной не пользуются, ею злоупотребляют для превращения самого рабочего с раннего детства в частицу частичной машины» (Маркс, I, перев. под ред. Струве, стр. 294). И не только рабочие, но и те классы, которые прямо или косвенно эксплуатируют рабочих, порабощаются в силу разделения труда орудиями их деятельности: бездушный буржуа порабощается собственным капиталом и собственной жадной наживы; юрист — своими закосне-

лыми правовыми представлениями, которые господствуют над ним в качестве самодовлеющей силы; «образованные классы» — вообще различными местными предрассудками и односторонностями, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью, благодаря приноровленному к определенной специальности воспитанию и пожизненному прикреплению к этой специальности, даже в том случае, если специальность эта заключается в простом «ничегонеделании».

Утопистам уже было вполне ясно влияние разделения труда на искалечение, с одной стороны, рабочего, а с другой — на самую рабочую деятельность, ограниченную пожизненным, монотонным, механическим повторением одной и той же манипуляции. Как Фурье, так и Оуэн требуют устранения противоположности между городом и деревней, как первого основного условия для уничтожения вообще старого разделения труда. У обоих население должно быть равномерно распределено по всей стране группами от 1.600 до 3.000 человек в каждой; каждая группа занимает находящийся в центре ее земельного участка колоссальный дворец с общим домоводством. Фурье хотя и говорит иногда о городах, но и они опять-таки состоят из 4 или 5 подобных дворцов, ближе один от другого расположенных. У обоих каждый член общества участвует как в земледелии, так и в индустрии; в последней у Фурье главную роль играют ремесло и мануфактура, а у Оуэна уже крупная индустрия, при чем он требует введения паровой силы и машины даже в домашних работах. Но оба они требуют возможно большего разнообразия в занятиях каждого члена как в области земледелия, так и в индустрии и, соответственно этому, подготовки молодежи к наиболее всесторонней технической деятельности. У обоих человек должен развиваться универсально, благодаря универсальной практической деятельности, и труд должен снова получить свою, утраченную вследствие разделения труда, притягательную силу прежде всего благодаря разнообразию и соответственной непродолжительности посвященного каждой отдельной работе «сеанса», по выражению Фурье. Оба поднялись необычайно высоко над унаследованным г. Дюрингом образом мыслей эксплуатирующих классов, считавших противоположность между городом и деревней неизбежной по самой природе вещей, одержимых предрассудком, будто известное количество «существ» должно быть обречено во что бы то ни стало производить один какой-нибудь предмет, и желающих увековечить отличающиеся по образу

жизни «экономические разновидности» людей,—людей, испытывающих наслаждение от исполнения именно данной и никакой иной вещи, людей, которые, значит, уже так низко пали, что радуются собственному порабощению и отупению...

Общество, становясь господином всех средств производства с целью их общественно-планомерного использования, уничтожит существующее до сих пор порабощение человека его собственными орудиями производства. Само собою разумеется, что общество не может освободиться, пока не будет освобожден каждый отдельный его член. Поэтому должно коренным образом преобразовать старый способ производства, в частности должно исчезнуть старое разделение труда. Оно должно быть заменено такой организацией производства, при которой ни один член общества не сможет свалить своей доли участия в продуктивном труде — этого естественного условия человеческого существования — на других; при которой, с другой стороны, производительный труд из средства порабощения превратится в средство освобождения человека, давая каждому отдельному человеку *полную возможность всесторонне развивать все его физические и духовные способности, так что труд из бремени превратится в наслаждение.*

Настоящее время это уже не фантазия, не благочестивое пожелание. При нынешнем развитии производительных сил уже достаточно того увеличения производства, которое дано самим фактом обобществления производительных сил, достаточно устранения вытекающих из капиталистического способа производства препятствий и тормозов, и расточительной траты продуктов и средств производства, чтобы при всеобщем участии в труде сократить рабочее время и свести его к ничтожной, по нынешним представлениям, продолжительности рабочего дня.

Упразднение старого разделения труда не является также и таким требованием, которое может быть осуществлено лишь в ущерб продуктивности труда. Напротив того, благодаря крупной индустрии, оно стало одним из условий самого производства. «Машинное производство устраняет необходимость укрепить фабричным образом, путем постоянного усвоения одних и тех же функций одними и теми же рабочими, распределение рабочих групп по различным машинам. Так как все движение фабрики исходит не от рабочего, а от машины, то возможна постоянная смена лиц без перерыва в процессе труда... Наконец, быстрота, с которой в юном возрасте научаются работать при машине, устраняет так-

же необходимость готовить особый класс исключительных машинных рабочих». Но в то время, как капиталистический способ применения машин должен продолжать старое разделение труда с его закоснелыми детализациями, хотя оно стало технически лишним, сама машинная система восстает против этого анахронизма. «Техническая основа крупной индустрии революционна. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в технических основах производства и вместе с тем в функциях рабочих и в общественных комбинациях процессов труда. Этим она также постоянно революционизирует разделение труда внутри о-ва и непрерывно перекладывает массы капиталов и рабочих из одной отрасли производства в другую. Природа крупной промышленности обуславливает поэтому перемену труда, постоянную смену функций и всестороннюю подвижность рабочего... Мы видели, как это абсолютное противоречие... разыгрывается в непрерывном заклании рабочего класса на алтаре капитализма, в безграничном расточении рабочих и еще в тех опустошениях, которые несет с собой анархия общественного производства. Это отрицательная сторона процесса. Но если тут постоянные перемены в сфере труда дают знать о себе лишь как всемогущий закон природы, который действует с слепой разрушающей силой такого закона, наталкивающегося везде на препятствия, то сама крупная промышленность своими катастрофами делает для себя вопросом жизни и смерти — признать постоянные перемены в сфере труда и потому возможно большую разносторонность рабочих всеобщим законом общественного производства и приспособить общественные условия к нормальному осуществлению этого закона. Она делает вопросом жизни и смерти замену чудовищного порядка, при котором жалкое резервное рабочее население держится в запасе для меняющейся потребности капитала в эксплуатации, таким строем, при котором каждый человек становится безусловно пригодным для разных меняющихся потребностей общества в труде; при котором частичный индивидуум, простой носитель детальной общественной функции, заменяется всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции являются сменяющимися друг друга видами деятельности».

(К. Маркс. «Капитал», том I, пер. Струве, стр. 343.)

Крупная индустрия, научив нас превращать почти везде легко вызываемое молекулярное движение в движение масс для

технических целей, тем самым в значительной степени освободила промышленное производство от местных перегоронок. Водяная сила локально ограничена, но паровая сила свободна. Первая необходимо связана с деревней, но паровая сила ничуть не обязательно связана с городом. Это только ее капиталистическое применение концентрирует ее преимущественно в городах и превращает фабричные деревни в фабричные города. Но вместе с тем она подрывает условия своего собственного производства. Первое требование паровой машины и главное требование почти всех отраслей производства крупной промышленности — это наличие сравнительно чистой воды. Между тем фабричный город превращает всю воду в вонючее болото. Насколько концентрация в городах является основным условием капиталистического производства, настолько же каждый отдельный индустриальный капиталист стремится из по необходимости созданных крупных городов к деревенской фабрике. Процесс этот можно подробно изучить в текстильных округах Ланкашира и Йоркшира; капиталистическая крупная индустрия создает там постоянно новые большие города в силу того, что она постоянно устремляется из города в деревню. То же мы наблюдаем в округах металлургической индустрии, где отчасти другие причины вызывают те же следствия.

Устранить этот новый неправильный круг, это постоянно вновь возникающее противоречие крупной индустрии *можно опять-таки только путем уничтожения ее капиталистического характера*. Только общество, предоставляющее своим производительным силам действовать гармонически по одному общему и большому плану, может допустить, чтобы промышленность так рассеялась по всей стране, как это наиболее соответствует ее собственному развитию и сохранению или, что то же, развитию остальных элементов производства.

Таким образом устранение противоположности между городом и деревней не только возможно, но сделалось прямой необходимостью для самого промышленного производства, как равно необходимостью и для земледельческого производства, а сверх того также и для охранения общественного здоровья. Только путем слияния города с деревней можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы; только таким путем чахнувшие в городах массы будут приведены в такое состояние, что отбросы их будут служить удобрением для растений, вместо того чтобы вызывать болезни.

Капиталистическая промышленность уже сравнительно освободилась от локальных границ мест производства необходимых ей сырых материалов. Текстильная промышленность обрабатывает преимущественно привозное сырье. Испанская железная руда обрабатывается в Англии и Германии, испанская и южно-американская медная руда обрабатывается в Англии. Каждая каменноугольная шахта снабжает горючим материалом ежедневно расширяющийся промышленный округ, расположенный далеко за ее пределами. Паровые машины на всем европейском морском побережье приводятся в движение английским и отчасти германским и бельгийским углем. *Но общество, освобожденное от преград капиталистического производства, может пойти еще гораздо дальше. Создаст поколение всесторонне обученных производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и практически изучивших от начала до конца целый ряд отраслей производства, оно создаст новую производственную силу, которая значительно перевесит труд по перевозке получаемых из более отдаленных пунктов сырых и горючих материалов.*

Следовательно, уничтожение отделения города от деревни не является утопией и в том случае, если ставить условием возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Конечно, цивилизация оставила нам в больших городах наследство, ликвидация которого потребует много времени и труда. Но большие города должны исчезнуть и они исчезнут, хотя бы процесс и был продолжительный.

(Фр. Энгельс. «Анти-Дюринг». Стр. 265—270.)

Глава вторая.

Семейное или общественное воспитание?

1.

Уничтожение семьи. Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции. Буржуазная семья естественно должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, и обе они вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Упрекнете ли вы нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей родителями? Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы уничтожаем самые задушевные отношения.

А разве ваше воспитание не определяется также обществом? Разве не определяется оно общественными отношениями, внутри которых вы воспитываете, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. д.? Не коммунисты выдумали влияние общества на воспитание, они только меняют характер воспитания, устраняют влияние на него господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический манифест».
Стр. 83 — 84.)

2.

Эти мероприятия (первые мероприятия рабочей революции) будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее цивилизованных странах могли бы почти повсюду быть приняты следующие меры...

10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический манифест». Стр. 87 — 88.)

3.

Главнейшие мероприятия эти (мероприятия, обеспечивающие существование пролетариата), с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, есть следующие:...

8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях или на государственный счет.

(Ф. Энгельс. «Принципы коммунизма». Стр. 315 — 316.)

4.

Пока фабричное законодательство регулирует труд на фабриках, мануфактурах и т. д., это представляется сначала просто вмешательством в эксплуататорские права капитала. Напротив, всякое регулирование так называемого домашнего труда с самого начала выступает как прямое вторжение в *patria potestas* (в права отца), т.-е., выражаясь современным языком, в родительскую власть: шаг, от которого деликатный английский парламент, как он лицемерил, долгое время отшатывался будто бы с содроганием. Однако сила фактов заставила, наконец, признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. Необходимо было провозгласить право детей.

«К несчастью, — говорится в заключительном отчете «Children's Employment Commission» 1866 года, — из всех свидетельских показаний одно ясно, — что ни от кого до такой степени не нуждаются дети обоюго пола в защите, как от своих родителей». Система безмерной эксплуатации труда детей вообще и их домашнего труда в особенности «поддерживается тем,

что родители без всякого удерживания и контроля пользуются своей произвольной и пагубной властью над своим молодым и нежным потомством... У родителей не должно быть абсолютной власти превращать своих детей в простые машины, которые должны добиться такого-то еженедельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существование» *).

Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам, подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной формой семьи христианско-германскую форму, или древне-римскую, или древне-греческую, или восточную, которые, впрочем, связаны между собой последовательностью исторического развития. Точно так же ясно, что сочетание в комбинированном рабочем персонале лиц обоего пола и разнообразнейших возрастов, являющееся зачумленным источником испорченности и рабства, пока оно выступает в своей грубой, стихийно-сложившейся капиталистической форме, при которой работница существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, — что это же сочетание при соответствующих условиях должно, наоборот, превратиться в источник человеческого развития.

(К. Маркс. «Капитал», том I, глава 13. Стр. 470 — 471.)

*) «Children's Employment Commission. 5-th Report», p. XXV, n. 162 n 2-nd Report, p. XXXVIII, n. 285, 289 p. XXV, n. 191.

Глава третья.

Что такое политехническая школа и как вырастает она?

Все возражения против коммунистического способа производства и присвоения материальных продуктов распространялись также и на производство продуктов умственного труда. Подобно тому, как уничтожение классовой собственности представляется буржуазии уничтожением самого производства, так и уничтожение классового характера современного образования кажется ей равносильным уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого она оплакивает, для огромного большинства является не более, как преобразованием в машину.

Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условиями производства и собственности, точно так же как ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, — воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса.

(К. Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический манифест». Стр. 82 — 83.)

1.

Тенденцию современной промышленности привлекать к участию в общественном производстве детей и подростков обоего пола мы считаем прогрессивной, благотельной и правомерной, хотя при капиталистическом господстве эта тенденция и принимает отвратительные формы. При разумном общественном строе все дети без исключения, начиная с девятилетнего возраста, должны будут принимать участие в производительном труде, точно так же

и никто из взрослых не может быть исключен из того общего закона природы, что человек должен работать, чтобы есть, и не только головой, но и руками. Исходя из этой точки зрения, мы говорим, что ни родители, ни предприниматели не могут получать разрешения общества пользоваться трудами детей и подростков иначе, как под условием, чтобы их производительный труд был связан с образованием. Под образованием мы понимаем три вещи: 1) умственное образование, 2) физическое развитие такое, какое дают гимнастические школы и военные упражнения, 3) политехническое воспитание, знакомящее с общими научными принципами всех производственных процессов и в то же время дающее ребенку и подростку *практические навыки* в обращении с элементарными инструментами всех производств.

Дети и подростки от 9 до 17-летнего возраста должны быть разделены на три класса так, чтобы постепенное и прогрессивное обучение было связано с умственным, гимнастическим и политехническим воспитанием.

За исключением, может быть, первого класса, *расходы на содержание политехнических школ должны частично покрываться продажей сработанных вещей*. Соединение оплачиваемого производительного труда с умственным развитием, физическими упражнениями и политехнической подготовкой поднимет рабочий класс на гораздо более высокий уровень, чем на каком находятся теперь высший и средний классы общества.

(Резолюция 1-го Конгресса I Интернационала, составленная К. Марксом.)

2.

Эти мероприятия (первые мероприятия рабочей революции) будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее цивилизованных странах могли бы почти повсюду быть приняты следующие общие меры:...

10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

(К. Маркс. и Фр. Энгельс. «Коммунистический манифест». Стр. 87—88.)

3.

Для формирования общей природы человека в таком направлении, чтобы последний приобрел искусство и *опытность* в опре-

деленной отрасли труда, стал обладателем развитой и притом специфической рабочей силы, требуется определенное образование или воспитание, которое в свою очередь стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны, в зависимости от большей или меньшей сложности данной рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения, совершенно ничтожные для обычной рабочей силы, входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

(К. Маркс. «Капитал», том I, глава 4. Стр. 142.)

Что такое рабочий день? Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? До каких пределов может быть удлинён рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы... капитал отвечает: рабочий день насчитывает полные 24 часа в сутки, за вычетом тем немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий всю свою жизнь без изъятия есть не что иное, как рабочая сила, поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву представляет рабочее время и, следовательно, должно целиком входить в процесс самовозрастания капитала. Что касается времени, необходимого для образования человека, для интеллектуального развития, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для празднования воскресенья—будь то хотя бы в стране святителей субботы,—все это один пустой вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто-физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, необходимое для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он урезывает обеденное время и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему, как простому средству производства, подобно тому, как паровому котлу дается уголь и машинам сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы

оживить в конец истощенный организм. Таким образом не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а, наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна ни была она, ставит границы для отдыха рабочего.

(К. Маркс. «Капитал», том I, глава 8. Стр. 236 — 237.)

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, требуют от него напряжения различных способностей. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае—больше ловкости, в третьем—больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если таким образом природные особенности рабочих образуют ту почву, в которую пускает свои корни разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Собираемый рабочий обладает теперь всеми способностями производителя в одинаково высокой степени и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет лишь для отправления своей специфической функции. Односторонность и даже прямые недостатки частичного рабочего составляют его достоинства, если мы будем рассматривать его, как часть совокупного рабочего. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины.

Так как различные функции коллективного рабочего бывают проще или сложнее, выше или ниже, поэтому и органы его, т. е. индивидуальные рабочие силы, требуют также очень различной степени выработки и обладают поэтому очень различной стоимостью. Таким образом мануфактура развивает иерархию (систему ступеней) рабочих сил, которой соответствует лестница

заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые кооперации приспособляются к этой иерархии естественных и приобретенных способностей. Между тем каждый производственный процесс требует известных простых движений, одинаково доступных каждому человеку. И такие движения порывают теперь связь с более содержательными моментами производственной деятельности и окостеневают в виде особых исключительных функций.

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которое она охватывает, класс так называемых необученных рабочих. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность самый недостаток всякого развития. На ряду с иерархическими степенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создает новые связанные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Сравнительное обесценение рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, знаменует собою непосредственное увеличение самовозрастания капитала, потому что все, сокращающее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

(К. Маркс. «Капитал», том I, глава 12. Стр. 327—329.)

Она (мануфактура) превращает рабочего в урод, искусственно культивируя в нем одну только специальную способность и подавляя весь остальной мир производительных задатков и дарований; она утилизирует рабочего, как утилизируется скот в государствах Ла-Платы, где убивают животное только для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы, и таким образом осуществляется на деле пошлая басня Менения Агриппы, которая изображает человека в виде частицы его собственного тела (рабочих в виде

членов, эксплуататоров в виде желудка). Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу, потому что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь самая его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не запродана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Неспособный по своим естественным дарованиям делать что-либо самостоятельно, мануфактурный рабочий развертывает производительную деятельность уже только как придаток мастерской капиталиста. Как на челе избранного народа было начертано, что он—собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала.

Все те познания, понимание и воля, которые развивает в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе (подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости),—все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные потенции (движущие силы) производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале *). Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и поработавшая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собою единство и волю общественно-трудового тела.

Он развивается далее в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную потенцию производства, и заставляет ее служить капиталу **).

*) А. Ferguson: «History of Civil Society». Edinburgh. 1767. Part IV, sect. I, p. 281. «Первый (мастер на фабрике, правящий государственный деятель, генерал) возможно выигрывает то, что потерял другой (рабочий, низший чиновник, солдат)».

**) «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука, вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами. «Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила размышления и воображения подтверждена ошибками: привычка двигать определенным образом рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди» *). И в самом деле в половине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для производства известных простых операций, составлявших, однако, фабричную тайну.

«Духовное развитие значительного большинства людей, — говорит А. Смит, — неизбежно определяется их повседневными занятиями. Человек, затративший всю свою жизнь на отправление немногих простых операций, не имел случая упражнять свой разум... Он бывает обыкновенно настолько тупым и невежественным, насколько это возможно для человеческого существа». Обрисовав тупость частичного рабочего, А. Смит продолжает: «Монотонность его жизни, в которой нет никаких перемен, подрывает, конечно, силы его духа... Она разрушает даже энергию его тела и делает его неспособным к напряженному и продолжительному труду во всех областях, кроме той, которая составляет его специальность. Таким образом его искусство в специальном ремесле приобретает, по видимому, за счет его интеллектуальных, социальных и военных способностей. Но в каждой промышленной и цивилизованной стране в такое состояние неизбежно должны впасть все трудящиеся бедняки (the labouring poor), т. е. большая масса населения» **). Чтобы предотвратить полнейшее искалечение народной массы ощеется результатом разделения труда,

везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно» (W. Thompson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London. 1824, p. 274).

*) A. Ferguson: «History of Civil Society». Edinburgh. 1767. Part IV, sect. 1, p. 280.

**) A. Smith: «Wealth of Nations», b. V, ch. I, art. II. Как ученик Фергюссона, который разобрал вредные последствия разделения труда, А. Смит совершенно ясно представлял себе этот пункт...

А. Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных гомеопатических дозах. Вполне последовательно возражает против этого его французский переводчик и комментатор Гарнье, который при первой империи естественно превратился в сенатора. Народное образование противоречит, по его мнению, первому закону разделения труда; организацией народного образования мы «обрекли бы на уничтожение всю нашу общественную систему». «Отделение физического труда от умственного *),—говорит он,—как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и решительным по мере того, как богатеет общество (он правильно обозначает этим словом капитал, землевладение и их государство). Это разделение труда, подобно другим его видам, является результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса... Неужели же правительство должно противодействовать этому разделению труда и задерживать его естественный ход? Неужели оно должно затрачивать часть государственных доходов на эксперимент, имеющий целью смешать и спутать вместе два класса труда, стремящиеся к разделению и обособлению?» **).

Некоторое духовное и телесное искажение неизбежно даже при разделении труда в рамках всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда затрагивает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии (учение о болезнях промышленных рабочих) дается впервые лишь мануфактурным периодом.

«Рассечение человека называется казнью, если он получил смертный приговор, убийством, если он не приговорен судом к смерти. Рассечение труда есть убийство народа» ***).

*) Фергюссон уже в «History of Civil Society», part IV, sect. I, p. 281, говорит: «и самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией».

**) G. Garnier, том V его перевода, p. 2—5.

***) D. Uguhart: «Familiar Words». London 1855, p. 119. Гегель придерживался очень еретических взглядов относительно разделения труда. «Под образованным человеком следует разуметь прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие», говорит он в своей «Философии права».

Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм создает качественное расчленение и количественное ступенчатое разделение труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда, т. е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда. Как специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить за счет рабочего относительную прибавочную стоимость или усилить самовозрастание капитала, что обычно называют общественным богатством («Wealth of Nations»), и т. д. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем изуродования индивидуального рабочего. Оно создает новые условия господства капитала над трудом. Поэтому, если, с одной стороны, оно является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества, то, с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации.

(К. Маркс. «Капитал», глава XII. Стр. 339—344.)

Д-р Уре, Пиндар автоматической фабрики, описывает ее, с одной стороны, как «кооперацию различных классов рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с опытностью и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в движение центральной силой (первым двигателем)»; с другой стороны — как «опрямленный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих солидарно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение». Эти два определения отнюдь не тождественны. В первом комбинируемый коллективный рабочий, или общественный трудовой организм, является развивающим деятельность субъектом, а механический автомат объектом; во втором сам автор является субъектом, а рабочие присоединены, как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе. Первое определение сохраняет свое значение по отношению ко всем возможным применениям машин в крупном масштабе; второе

характеризует их капиталистическое применение и, следовательно, современную фабричную систему. Отсюда излюбленная манера Уре изображать центральную машину, от которой исходит движение, не только автоматом, но и автократом (самодержцем). «В этих огромных мастерских благодетельная сила пара собирает вокруг себя мирады своих подданных» *). Вместе с рабочим орудием и виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине. Дееспособность орудия освобождается от тех ограничений, которые накладываются на нее связью человеческой рабочей силы с личностью рабочего. Таким образом устраняется тот технический базис, на котором покоится разделение труда в мануфактуре. Поэтому вместо характеризующей ее иерархии специализированных рабочих на автоматической фабрике выступает тенденция к уравниванию или нивелированию тех работ, которые должны выполняться помощниками машин; вместо искусственно порожденных различий между частичными рабочими приобретают перевес естественные различия возраста и пола.

Поскольку разделение труда возрождается на автоматической фабрике, оно является прежде всего распределением рабочих по специализированным машинам и распределением масс рабочих, — не образующих, однако, внутренне организованных групп, — по различным отделениям фабрики, где они работают при расположенных одна подле другой однородных рабочих машинах, т. е. где они соединены лишь простой кооперацией. Расчлененная группа мануфактуры замещается здесь сочетанием главного рабочего с немногими помощниками. Существенное различие наблюдается между рабочими, которые заняты действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые заняты наблюдением за двигательной машиной или ее питанием), и между простыми чернорабочими или помощниками (почти исключительно дети) этих машинных рабочих. К чернорабочим же в большей или меньшей степени относятся и все *foeders* (которые просто подкладывают под машины материал труда). На ряду с этими главными классами выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдением за всеми машинами и постоянной их починкой, напр., инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно-образованный, частью ремесленного характера, класс рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих,

*) Ure, «Philosophy of Manufactures», p. 18.

просто присоединенный к нему. Это разделение труда носит чисто-технический характер.

Всякая работа при машине требует заблаговременной подготовки рабочего. Будучи еще ребенком, он легче всего научается сообразовать свои собственные движения с однообразно-непрерывными движениями автомата. Поскольку совокупные машины фабрики сами образуют систему разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и кооперация, в основе которой лежит эта система машин, требует распределения разнородных групп рабочих между разнородными машинами. Но машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять это распределение, овладевая одними и теми же рабочими неизменно для одних и тех же функций *). Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда. Самое убедительное доказательство этого дает система смен (Relaissystem), нашедшая применение во время фабрикантского бунта 1848—1850 гг. Наконец, та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость выработки особого класса рабочих в исключительно машинных рабочих. Работа же простого чернорабочего на фабрике отчасти может замещаться машинами **), отчасти вследствие своей крайней элементарности допускает быструю и постоянную смену занятых ею лиц. Хотя машина технически опрокидывает таким образом старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает владеть свое существование на фабрике сначала в силу привычки, как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в еще более отвратительной форме, как средство эксплуатации рабочей силы.

*) Уге признает это. Он говорит, что рабочие «в случае необходимости» могут быть перемещены волею управляющего от одной машины к другой, и торжествующе восклицает: «Такого рода перемещение стоит в открытом противоречии со старой рутинной (старинными, традиционными методами), которая разделяет труд и возлагает на одного изготовление головок к булавке, на другого—заострение ее конца». Он должен был бы скорее поставить вопрос, почему эта «старая рутина» покидается на автоматической фабрике только «в случае необходимости».

**) Пример: различные механические аппараты, введенные на шерстяных фабриках со времени закона 1844 года для замещения детского труда...

Пожизненная специальность управлять частичным орудием превращается в пожизненную специальность: служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства в часть частичной машины. Таким образом не только уменьшаются издержки, необходимые для воспроизводства его самого, но в то же время получает завершение и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно, от капиталиста. Здесь, как и всегда, необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого развития.

В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему, как живые придатки. «Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняющего один и тот же механический процесс, похоже на работу Сизифа; тяжесть труда, подобно скале, все снова и снова падает на истомленных рабочих» *). Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности **). Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, общее то обстоятельство, что не рабочий

*) F. Engels: «Lage der arbeitenden Klasse in England». Leipzig. 1845, S. 217. Даже совершенно ординарный, оптимистический фритредер, господин Молинери замечает: «Человек, ежедневно наблюдая по 15 часов за однообразным ходом машины, истощается много скорее, чем если он в течение такого же времени напрягает свою физическую силу. Этот труд наблюдения, который мог бы послужить полезной гимнастикой для ума, если бы он не был слишком продолжителен, разрушает в конце-концов своей чрезмерностью и ум и самое тело» (G. de Molinari: «Etudes Economiques». Paris, 1840).

**) F. Engels: «Lage» и т. д. S. 216.

применяет условия труда, а наоборот, условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически-осозательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему, как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее.

Отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть над трудом получает свое завершение... в крупной промышленности, воздвигающейся на базе машин. Частичное искусство отдельного машинного, подвергшегося опустошению рабочего исчезает, как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь, перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенным в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина» (Meister, master).

(К. Маркс. «Капитал», том I, глава 13. Стр. 399—403.)

Как ни жалки в общем постановления фабричного закона относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда *). Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики **) с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем обычных школьников, обучающихся днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше.

«Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы

*) Согласно английскому фабричному закону родители не могут посылать своих детей до 11 лет в «контролируемые», т.е. подчиненные фабричному закону, фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответственен за соблюдение закона. Обучение при фабриках обязательно, оно—условие работы («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1863», p. 111).

**) О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. В. Сениора на седьмом годичном конгрессе «National Association for the Promotion of social science», «Report of Proceedings etc». London. 1863, p. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 года, p. 118, 119, 120, 126 и сл.

у-иться. Система труда, чередующаяся со школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит от своей работы *). Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сениора, сказанной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний, непродолжительный и продолжительный школьный день детей в высших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и с прямым вредом заставляет детей тратить время, здоровье и энергию». Из фабричной системы, как это можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, при чем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей.

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к известной частичной операции всего человека; напротив, капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более уродливом виде: собственно на фабрике — посредством превращения рабочего в одаренный сознанием придаток частичной машины, повсюду — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда **), отчасти посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда, как новой основы разделения труда. Противоре-

*) «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 118. Один наивный шелковый фабрикант заявляет члену следственной «Children's Employment Commission»: «я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением, начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталкивающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы у моих собственных детей были труд и игры в качестве отдыха от школы («Children's Employment Commission», 5-th Report, p. 82, n. 36).

**) В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силой человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые, как таковые, предполагают механическую двигатель-

чие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности насильственно прокладывает дорогу своему проявлению. Оно выражается между прочим в том ужасном факте, что огромная часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к элементарнейшим манипуляциям, целые годы подвергается эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике.

Например, в английских типографиях раньше был в обычае соответствующий системе старой мануфактуры и ремесла переход учеников от сравнительно легких к более содержательным работам. Ученики проходили курс учения, пока они не делались обученными типографщиками. Умение читать и писать было для всех необходимым условием для вступления в ремесло. Все это изменилось с появлением печатной машины. Она требует двоякого рода рабочих: взрослого рабочего, надсмотрщика за машиной, и малолетних, обыкновенно 11—17-летних мальчиков, работа которых состоит исключительно в том, чтобы вкладывать в машину лист бумаги или принимать от нее отпечатанный лист. Они, особенно в Лондоне, заняты этой утомительной работой в некоторые дни недели по 14, 15, 16 часов без перерыва, а часто 36 часов кряду всего с двумя часами перерыва на еду и сон! *). Огромная часть их не умеет читать, они, как общее правило, совершенно одичалые, ненормальные существа. «Чтобы сделать их способными к их работе, совершенно не требуется какого бы то ни было интеллектуального воспитания; у них мало возможности для приобретения искусства и еще меньше — для развития; их заработная плата, хотя до известной степени и высокая для мальчиков, не повы-

ную силу, происходит крупная перемена по отношению к рабочему, который приводит машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расходование его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, когда они тоже осуждаются на это истязание! Так, член комиссии Лонга наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть станки меньших размеров. «Это до чрезвычайности тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5-th Report 1866», p. 114, n. 6). Об убийственных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет, там же и сл. страницы.

*) Там же. p. 3. n. 24.

шается по мере того, как они становятся взрослыми, и у подавляющего большинства нет никаких шансов занять более доходное и ответственное положение надсмотрщика за машиной, потому что на каждую машину приходится всего один надсмотрщик и часто 4 подростка» *). Когда они становятся слишком взрослыми для своего детского труда, именно достигают самое большое 17 лет, их увольняют из типографии. Они становятся кандидатами в преступники. Некоторые попытки доставить им какие-либо другие занятия разбивались об их невежество, грубость, физическую и интеллектуальную деградацию.

То, что сказано относительно мануфактурного разделения труда внутри мастерской, сохраняет свое значение и для разделения труда в обществе. Пока ремесло и мануфактура образуют общий базис всего общественного производства, подчинение производителя исключительно одной известной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий являются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства эмпирически (посредством опыта) находит соответствующий ей технический строй, медленно совершенствует его и быстро кристаллизует его, как только достигнута известная степень зрелости. Время от времени происходят изменения, которые вызываются, кроме нового материала труда, доставляемого торговлей, постепенным изменением инструмента труда. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, застывает и рабочий инструмент, как это показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого...

Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает

*) Там же, р. 7, п. 80.

перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук и средства существования и вместе с его частичной функцией сделать излишним его самого: как это противоречие ведет к чудовищному факту возникновения промышленной резервной армии, которая должна существовать в нищете, чтобы всегда оставаться к услугам капиталистического спроса; как оно находит свирепое выражение в непрерывных гекатомбах рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией, которая всякий экономический прогресс превращает в общественное бедствие. Это отрицательная сторона.

Но если перемена труда теперь пролагает себе путь только как непреодолимый закон природы и с слепой разрушительной силой закона природы, который повсюду наталкивается на препятствия *), то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих за всеобщий закон общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заме-

*) Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, чтобы я был способен заниматься всеми промыслами, которыми я действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не гожусь, кроме книгопечатания... Попав в недра этого мира авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем рубаху—поверьте!—я действовал, как остальные. Так как дело рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был типографщиком, кровельщиком, литейщиком из свинца и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» (А. Corbon, «De l'enseignement professionnel». 2-ème éd, p. 50).

нить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности.

Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развивавшимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — промышленные школы для продолжения образования, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью, с уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «Ne sutor ultra crepidam». («Сапожник, знай свои колодки!») Эта вершина ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цырюльник Аркрайт — прядильную машину, ювелирный рабочий Фултон — пароход*).

(К. Маркс. «Капитал», том I, глава 13. Стр. 463—470).

*) John Bellers, истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию (болезненное чрезмерное разрастание) и атрофию (захудание, уничтожение) на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он прекрасно замечает между прочим: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем ученье праздности... Физический труд—первое божественное установление... труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни, потому что те неудовольствия, которых человек избегает ленью, постигнут его как болезнь... Труд прибавляет масла в лампаду жизни, а мысль зажигает ее... Пустой детский труд (это - пророческие возражения Базедовым и нашим современникам, которые тупо повторяют их) оставляет детский ум пустым»... («Proposals for raising a Collegē of Industry of all useful Trades and Husbandry». London 1696, p. 12, 14, 18.)